

Он глубоко вздохнул, и из его рукава вылетел свиток с живописным пейзажем. В основе его практики лежала идея гор и рек: горы — сгусток земли, реки — течение воды. По мере того как его магическая сила нарастала и спадала, из свитка излился поток воды, устремившись к иссохшему руслу, чтобы наполнить его. Но едва вода коснулась дна реки, как из него поднялась мутная, зловещая энергия, превратившаяся в яростное пламя и поглотившая влагу. Силы Линь Хэна не хватило, чтобы подавить этот адский огонь.

— Похоже, сначала нужно устранить эту мутную пагубную энергию, — с нахмуренным лбом произнёс Цинь Жошуй.

Линь Хэн взглянул на людей, и в сердце его шевельнулась жалость. — Но эти люди... — Его Путь имел ограничения: он не мог направить воду прямо в их колодцы, ему требовалось слиться с горами и реками.

— Я попробую, — вдруг предложила Цзи Юйтан. «Призыв облаков и ниспослание дождя» было врождённым умением народа драконов. Теперь, достигнув уровня Этапа Закладки Основания, она вполне могла применить этот метод. Подумав мгновение, она добавила:

— Но в воздухе слишком мало влаги. Даже если дождь пойдёт, он покроет совсем небольшую территорию. — Вот если бы сейчас здесь была Ли Цзиньюй! Её Жемчужина Рождения Приливов Лазурного моря могла призвать воды всех четырёх морей — вот тогда «Заклинание Дождя» обрело бы достаточную мощь.

Линь Хэн и Цинь Жошуй кивнули:

— Мы обеспечим тебе защиту. — Из предыдущих разведанных было известно: все заклинатели, пытавшиеся призвать здесь дождь, оказывались иссушены до капли жизненной силы, явно пробудив некое неведомое существо. Теперь, когда Цзи Юйтан собиралась применить подобное искусство, она тоже могла привлечь это «зло».

С активацией «Заклинания Дождя» сгустились тучи, в полумраке небес замелькали молнии и силуэты драконов. С самого края горизонта налетел ветер, разгоняя зной, и спустя несколько мгновений крупные, с горошину, капли дождя забарабанили по земле, накрыв участок всего в пол-ли. Это был предел возможностей Цзи Юйтан.

Люди, бродившие по высохшему руслу, сначала остолбенели, а затем разразились безудержным ликованием. Они подставляли глиняные горшки под драгоценные капли, громко ликуя посреди ветра и дождя.

Но в этот самый момент с юга поднялось волнение горячего воздуха, и в нём проступил смутный образ демона с лохматыми волосами и обезьяньей статью. Его рёв, подобный раскату грома, потряс небо и землю.

— Ханьба? — Цинь Жошуй, увидев этот призрачный образ, резко изменился в лице. Не дожидаясь, пока ханьба атакует, он сложил пальцы в заклинательный жест и выпустил несчётное множество мечей-бликов, устремившихся к чудовищу. Линь Хэн тоже узнал этого монстра и тут же присоединился к атаке. Две силы столкнулись, породив оглушительный грохот. Ханьба в клубах зноя дрогнул и начал медленно отступать.

— Если это ханьба, то засуха — ещё полбеды. Куда страшнее трупный яд, — мрачно произнёс Линь Хэн. Ханьба — это нежить. Когда человек умирает, но тело его не разлагается, оно может по случайности обрести одушевлённость и вступить на Путь, достигнув облика Короля Мёртвых. Такие существа способны управлять останками, и куда бы они ни пришли, земля на

тысячу ли вокруг становится мёртвой и выжженной.

Цзи Юйтан дёрнулась:

— Тогда деревни у подножья Горы Уци...

— Пойдём, расспросим, — сказал Цинь Жошуй. — Те, кого мы видели в русле, были живыми, но их совсем немного. Гора Уци когда-то была благодатной землёй, с множеством поселений. Неужели уцелели только эти? — Они быстрым шагом направились к деревне и, лишь достигнув окраины, заметили, что небольшую территорию вокруг обнесли магическими талисманами. Всё же остальное давно лежало в руинах и запустении, без признаков жизни.

Пока Цзи Юйтан и её спутники собирали сведения, в нескольких ли от них появилось несколько теней.

Рядом с ними сидел заклинатель в красных одеждах, с растрёпанными волосами, жёстким, землистым лицом и жуткими, торчащими клыками — тот самый ханьба.

— Старший брат Гао, практикующие из Школы Сюань опять здесь.

«Старшим братом Гао» был Гао Цан. Двенадцать Столпов Демонических Богов изначально распределили между двенадцатью заклинателями Демонического Школениа, и эти земли должен был контролировать Чжао Яньнань. Но тот, к несчастью, погиб где-то на стороне. Гао Цану пришлось изрядно потрудиться, чтобы вырвать эту задачу у сокурсников. Если он преуспееет, то получит немалую награду. Тогда его Иньский Огонь поднимется на ступень выше, и, освоив плавку Трёхъядового Иньского Пламени, он сможет сорвать Плод Дао Человеческого Бессмертного.

— Пусть приходят, — усмехнулся Гао Цан, нимало не обеспокоившись. — Как раз усилят ханьба. — Сюда уже наведывались несколько групп заклинателей, и все они в конце концов стали пищей для нежити. Местный Столп Демонического Бога отличался от прочих: он имел двойственную природу, одна часть — «Хоуту», другая — ханьба. Хоуту была привязана к земле и не могла сдвинуться с места. Лишь когда ханьба достигнет совершенства и вернётся в духовную пещеру, они сольются воедино, чтобы стать истинным Демоническим Богом.

— Но на Северном Море как раз из-за заклинателей Сюань и случилась неудача. Нам стоит быть осмотрительнее, — возразил демонический заклинатель.

Услышав это, Гао Цан фыркнул. Он и Чжан Жэнь были соперниками, и, по его мнению, Чжан Жэнь хорошо сделал, что умер. Лишь его провал подчёркивал ценность Гао Цана. — На них, возможно, есть магические инструменты, не позволяющие напрямую поглотить их энергию. Дождёмся ночи, подчиним орду нежити и оскверним их чистую магическую силу группным ядом!

Маленькая деревня.

Не расспроси — не узнаешь. Выяснилось, что выживших здесь осталось меньше тридцати человек, и это — общее число для всех деревень у Горы Уци. Все прочие уже погибли по тем или иным причинам. Магические талисманы оставил заклинатель, что приходил сюда ранее вызывать дождь. Сам же он пал в схватке с ханьба.

Выслушав это, Линь Хэна пробрала дрожь. — Почему вы не покинули Гору Уци? — Битвы между Школой Сюань и демонами ни в коем случае не должны затрагивать смертных, но эти

демонические заклинатели раз за разом попирают былые установления, творя одно зло за другим.

Старик, отвечавший им, горько усмехнулся, и вид его был жалок. Он покачал головой:

— Не выйти нам отсюда. — Кто не дорожит жизнью? Но когда началась засуха, их души словно приковало к этой земле. Все поселенцы, пытавшиеся переступить границы земель Горы Уци, умирали без видимой причины.

— Должно быть, это Столп Демонического Бога, — заключил Цинь Жошуй. — Пагубная энергия земли вздыбилась, исказив духовную структуру этой местности.

Старик горько улыбнулся:

— Ваше благородство, почтенные бессмертные, старец запомнит в сердце. Но раз прежние наставники не смогли избавить нас от этой напасти, видно, такова уж воля Неба. Уходите лучше, не обременяйте себя нами, обречёнными.

Линь Хэн покачал головой, лицо его выражало непреклонную решимость. — Мы, следующие путём рыцарства, призваны рушить чары и уничтожить демонов. Как можем мы отступить?

Старик испустил скорбный вздох, протянул высохшую, словно трухлявое дерево, руку и зажёл масляную лампу в доме. — Ночью здесь появляются чудовища. Магические талисманы, что оставил прежний наставник, неизвестно, сколько ещё продержатся.

— Не тревожьтесь, старик, — сказал Линь Хэн. — Раз уж мы трое пришли сюда, то непременно поможем Горе Уци разрешить эту беду.

Старик больше не ответил. Глаза его были полны пепла — явно он уже не питал никаких надежд.

Ночь опустилась, и тьма, словно свирепый исполинский зверь, разинула пасть и поглотила маленькую деревушку.

Послышался шорох, сперва похожий на шелест листы, затем он стал громче, пронзительнее — словно хриплые вопли младенцев, за что-то ухватившихся за горло, — что было особенно жутко и страшно. Цзи Юйтан и её спутники стояли у въезда в деревню, глядя на нескончаемую вереницу неуклюже движущихся разлагающихся тел, их лица были напряжены.

— Эти зомби своей пагубной энергией разъедают магические талисманы, — сказал Цинь Жошуй. — Боюсь, те не выдержат. — Он призвал свою магическую силу, и сверкающий меч-сфера рассек ночную тьму, устремившись вперёд. Прыгая и кружась в воздухе, меч рассыпал снопы чистого света, но зомби было слишком много. Через четверть часа меч-сфера полностью покрылся липкой пагубной энергией и прямо в воздухе рассыпался в прах. — Эти твари оскверняют чистую магическую силу, — невозмутимо констатировал Цинь Жошуй. Из его рукава вырвалась очередная вспышка — ещё один меч-сфера.

Он был мастером меча, и пока он не призывал свой изначальный клинок, ему не страшно было осквернение силы. Но Линь Хэн был другим: его свиток был изначальным инструментом, и духи гор, рек, растений и деревьев, выходившие из него, были связаны с его сознанием. Почувствовав, что больше не может держаться, он вернул духовные сущности обратно в свиток.

<http://bllate.org/book/15949/1426181>